

Настоящий цвет

Это не ты, случай, первая ткань.

Любое желание быть не здесь, но *именно здесь*.

Ненужный в общем-то взгляд наверх, в город, символику.

Ветер в этой тени, длинный день у воды, пахнувшей
растворителем, долгие планы, прикрытые старым стеклом,
как тайник. *Вода действительно растворитель, секрет.*

В промзоне легко убедиться в таянии. Жёлтый металл
стекает в окно, как будто бы нас здесь не было.

Лозунг, вóлны. Ты закрываешь рану, как глаз,
чтобы вообразить другой мир. Что безобразно?

Это не ты, прибрежный удар. Землетрясение,
не обнажившее парадигму, не ставшее стилем.

Так можно дышать настоящее, и это причина выдоха.

Можно ли заработать этот осадок, мысленный круг,
повторяющий чей-то рот? *Линия горизонта,*
линза, совпавшая с хромакеем, ставшая хлорофиллом.

Обведенные полу-цветы срывая в солнечный день
на солёной земле.

Перемещая их. Парад не привит, сезон не закрыт,
как тизер, небо. На рассаде этого шва собран мир,
его тяжесть неравномерна, но непрерывна. *В сезон*
здесь всё сияет. Металлический привкус поездки, курсор
сводит терпкий зрачок на чеклист: кто еще сожалеет,
кто ест свою ставку, кто готовится научиться. Время
под ослепительным днём.

Всё это движение — плёнка, скрывающая песок
для стройки, паркинг метаболической страты,
пряность. *Пища, которая исчезает от тишины,*
нагревается под совсем другим небом. Цезура в ней
обесцвечена, она уже притворилась ритмической нишей,
сменой, то есть собой, и впервые закрыла глаза. Чёрная
жизнь, отведённое солнечное плато в чьём-то горле.

Платформа. Ветер пробует стройку на вкус,
вложенный в транспортные суда над иллюзией.
В прежней версии дня что-то взято внутри белизной,
будущим, от которого невозможно отстать. Вода,
остужающая чужую ошибку своей ценой, бросающая
на берег раскрытые, пройденные следы, бросающая

мой взгляд. *Семейная нефть тянется ложно
в невидимый рот.* Мусорные цветы, горькие от солнца.

Схожие, как всё, растраченное не здесь. Складывать
это в грёзу, живот, погоду, но как тёмный свет в семь
утра в раннем детстве, магнит, его скол, безупречность,
возвращающая земле. Я беру паузу как посвящение.
*В каждом дне есть почти незаметный, пропущенный
момент растерянности, и я знаю, что это было всегда
нашим временем.* Гипотеза играет воздухом,
как лето, ошибаясь.

Я дискредитирую тем, что невозможно забрать.
Мир развернут внутренней частью, снегом,
семплом с пробитым кодом. Улика-вода, острый вкус
уже за́мершего, уже ставшего над сизо, университетом,
пассажирской броней, внимания. Когда замечаешь,
как минута меняется, на табло исчезает транспорт,
но открывается белый вечер, секунда-транзит, играющая
иначе, как *настоящий цвет*, видимый на просвет тела,
листа, кристалла.

На просвет пепла. Памяти часто меньше, лого не образует
стиль, и наши действия укладывают нас, как мантию,
но не внутри страны, всегда неполагаемой, ломкой.
Я вспоминаю места, из которых льется тоннами
подавленный вид, слои, сложенные на дне этой
силой и вернувшиеся обратно в мечте, её ареале.
Есть тепло, его вязкость, неисчисляемый ветер
в сквозных ошибках, ошеломлённых цветах.